

МИМОХОДОМЪ.

Среди раннихъ произведеній А. П. Чехова есть рассказъ о молодомъ человѣкѣ, который попалъ въ печать.

Молодой человѣкъ этотъ напился пьянъ и скандалилъ. И вотъ замѣтка объ этомъ происшествіи появилась въ газетѣ.

Кажется, это должно бы было огорчить молодого человѣка, а вышло совсѣмъ наоборотъ.

Молодой человѣкъ былъ очень польщенъ и всюду носился съ газетой, съ радостью показывая ее.

— Вотъ обо мнѣ тутъ написано, — говорилъ онъ.

Подобная исторія случилась и съ рассказомъ М. Горькаго: „Мой спутникъ“.

Читатели, вѣроятно, помнятъ этотъ прелестный рассказъ, въ которомъ чрезвычайно живо и типически обрисована фигура грузина Шахро.

Нельзя сказать, чтобы лестно было фигурировать въ роли этого Шахро, глупца и эгоиста, который былъ бы возмутителенъ, если бы не былъ такъ забавенъ.

Если читатель не возмущается противъ Шахро, а только хохочетъ, то потому, что всѣ его некрасивые поступки отмѣчены чѣмъ то наивно и глупски, безсознательно животнымъ, такъ что къ нему относишься невольно, какъ къ какой-либо забавной обезьянѣ.

Во всякомъ случаѣ, если бы васъ, читатель, сравнили съ этимъ Шахро, то можно думать, что вы не остались бы довольны.

А вотъ нашелся человѣкъ, который на весь свѣтъ заявилъ, что онъ-то именно и есть Шахро, что это его описалъ М. Горькій.

Такимъ образомъ „спутникъ“ М. Горькаго нашелся.

Онъ сообщилъ объ этомъ самъ въ редакцію одной грузинской газеты, гдѣ былъ напечатанъ рассказъ М. Горькаго въ грузинскомъ переводѣ.

Прочитавъ рассказъ, „спутникъ“ М. Горькаго пришелъ въ редакцію справиться, не о немъ ли это писано, не принадлежитъ ли этотъ рассказъ „какому-нибудь нижегородцу Алексію Пѣшкову“, съ которымъ онъ когда то странствовалъ пѣшкомъ.

„Спутникъ“ М. Горькаго служить теперь кондукторомъ желѣзной дороги на Кавказѣ, и фамилія его не Шахро, да и обстоятельства его путешествія съ А. М. Пѣшковымъ, по словамъ прототипа Шахро, сильно измѣнены въ рассказѣ.

Почему же тогда прототипъ Шахро узналъ себя въ этомъ рассказѣ? Потому-ли, что характеръ его схваченъ и изображенъ вѣрно?

Если такъ, то радоваться своей идентичности съ Шахро, кажется, нечего, и, пожалуй, даже лучше бы воздержаться оповѣщать объ этомъ свѣтъ.

Правда, прототипъ Шахро, рассказывая со-труднику газеты о своемъ странствіи съ А. М. Пшковымъ, старался представить себя въ болѣе благородной роли, такъ что даже вышло, что въ Тифлисѣ не онъ покинулъ А. М. Пшкова, а послѣдній его.

Можетъ быть кондукторъ С. (такъ названъ въ газетѣ прототипъ Шахро) рассказываетъ и правду, потому что вѣдь М. Горькій писалъ не воспоминаніе, а рассказъ, гдѣ точность подробностей не играетъ роли, гдѣ даже приходится измѣнять „натуру“ въ интересахъ высшей правды, типичности; но всѣ, прочитавъ рассказъ о событіяхъ странствія прототипа Шахро, скажутъ, конечно:

— Знаемъ мы изъ рассказа, насколько можно вѣрить Шахро, который собственно самъ себя не долженъ бы вѣрить.

Выходитъ: назвался Шахро, то и полѣзай въ кузовъ. А все вѣдь виною желаніе заявить о себѣ:

— Вѣдь это обо мнѣ написано!

Хотя бы въ томъ, что написано, не было ничего лестнаго, а даже совсѣмъ напротивъ.

И въ этомъ тщеславномъ желаніи заявить, что вотъ, молъ, я-то и есть Шахро, это обо мнѣ написали, многіе увидятъ Шахро рассказа и скажутъ:

— Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ это настоящій Шахро. И тутъ не вытерпѣлъ, чтобы не обнаружить себя.

И посмѣются, потому что—повторимъ—Шахро не столько возмутителенъ, сколько забавенъ своей удивительной наивностью.